

Ю р и й
Казарин

Побег

Стихотворения

Издательство
Уральского университета
2002

ББК Ш6(2Р36)6-335
К 143

ISBN 5-7584-0035-1

© Ю. Казарин, 2002
© Издательство Уральского университета, 2002

* * *

*В роще ремонт, шелушатся обои,
это просел до земли небосвод,
в рюмочке взгляда паук с переполою
чешет мне очи и в воздух орет.*

*Губы мои обнесла паутина:
нет, не простуда, – а слово во рту.
Топчет траву, как газету, скотина,
чувствуя в черных ушах высоту.*

*Бросило нас утомонное лето,
вот и бредешь от себя вдалеке:
видишь, за ухом одна сигарета,
спичка последняя в левой руке.*

* * *

*Осы последние солнцем сорят,
остов осины стоит как основа
взора, когда осыпается взгляд
в росчерк ресницы, осеняющий слово.*

*Сон ли, бессонница – очи сосут
сахар и соль золотого старенья:
в воздухе оспенном лопнул сосуд –
и высоко изливается зренье.*

*Осенью все – озаренье и сад.
Речка, остывши, приходит в сознание
и переводит, как стрелки – назад,
сошку косую луча в осязанье.*

*Сохлое дерево ходит в строю,
древнее дерево с каменным зубом –
так сотрясает округу свою
старое дерево царским ознобом.*

* * *

*Томительный свет пустоты,
подводный пейзаж полнолуныя:
поляны разинули рты –
такая в округе глазунья.*

*Когда, отовсюду видна,
отняв у равнины предметы,
из черной бумаги – луна
без ножниц кроит силуэты.*

*И, контуры дрожи держа
в пределах прилипчивой плоти,
летучая мышь, как вожжа,
отхлопает воздух в полете.*

*И тронется веретено
ответного взора оттуда,
где неоправимо темно
в большом ожидании чуда.*

* * *

1

*Поцелуешь меня. Вертикально,
чтоб не плакать, посмотришь туда,
где, себя обнимая, печально,
ниспадая, восходит вода.*

*И, готовясь лицом к полнолунью,
не заметишь, забывшись едва,
что листва отлиывает латунью,
как латынью иные слова.*

2

*Отсыхает язык у растений,
прозябает худая листва –
как латынь, в позолоте осенней,
не нашедшая в смерти родства.*

*Видно, в птице парящей провисла
нитка крови, и крыл коромысло
окоемную держит черту,
обводящую полную смысла,
золотую уже пустоту.*

* * *

*Десятый месяц. Внешний вид
округи красен, но без крови,
и дождь в ресницах тормозит,
чтоб побелеть на полуслове.*

*Просторно. Всюду высота.
И смерть, как жизнь,
шарообразна,
и мысль безвидна и в уста
не упирается напрасно.*

*Звук назревает. Начеку
прививка вечная латыни
растенью, миру, языку...
Как в водку капелька полыни
да лыко холода в строку.*

* * *

Л. и В. Бабенко

*Трение обнаженного
тела, в конце строки –
точки, неотраженного
мира поверх реки,
взгляда с затылком, словно
в череп вошло его
горькое и соленое,
сладкое вещества, –
все это – в ужас опыта
всажено как весло,
чтобы усилием шепота
в небо не унесло.*

Подлёдный лов

*Из полыньи на снег – в сухой огонь мороза,
где воздух сжат в кулак и разрывает рот:
шар сплюснутый во льду – как бы в бутылке роза,
дыханья и зимы растительный урод.*

*На вымахе идет из воли на свободу
сияющая вкось – по вертикали – вещь,
срезая чешуёй серебряную воду,
как гривенники в горсть, – короткокрылый лещ.*

*Сегодня высоко народное гулянье,
там ангелы и звон и в небо вмерзла бровь,
вот повернешь башку – и кровоизлиянье:
у пламени – зима и голубая кровь.*

*И очи пьет слеза, и чуден профиль ветра,
когда бросаешь взгляд за левое плечо:
у снегопада рост – четыре километра,
а выше только свет, поскольку горячо.*

*Кошачий желтый глаз кати на верхотуру
и лунку голуби сверлением зрачка,
когда пылаешь весь и, умирая, сдуру
целуешься взасос с молчанием крючка.*

* * *

*Голый лес – очей моих гнездо,
если опускаться с небосводом
от слезы срывающейся – до
свадьбы кислорода с водородом.*

*Высохла до кожи H_2O ,
до Земли, до десен, до того,
что опять из глины получилось,
до чего тепло договорилось.*

*Тень мою проломит снежный наст,
птица птице веточку подаст:
слово, прикоснувшееся к слову,
холода тяжелую подкову
разогнет во рту...*

* * *

*Эх, полушубочек нагольный
да снега вышнего нажим:
была округа треугольной,
а стала именем своим.*

*Ее тяжелые овалы,
воды колонное литье
круглы, как винные подвалы,
как имя круглое ее.*

*Когда нельзя посторониться,
плывя в подножные нули,
и взгляд вытягивает птица,
как Божий голос, вдоль земли.*

* * *

*В замахе, в выдохе – зима
с заточкой стужи на откосах:
все уже сумрак, и сума,
и лыжный нож, и лыжный посох.*

*И снегопада купола,
и поступь солнца как поступок,
и средоточие тепла,
запахнутое в полушубок.*

*И слово, сказанное впрок,
не в воротник, а в подбородок,
и речки с прорубью лобок,
и ребра выведенных лодок.*

*И горизонт, и звезд молва,
и горизонт, прижатый бровью,
натянутый, как тетива,
не расстояньем, а любовью.*

* * *

Н. Дьячковой

*Снег не ваятель – оформитель
пустот сколоченных в мороз
и надзиратель и хранитель
пространства времени и слез
и звезд в незримых пирамидах
где висит без петли
заиндевеливший сад как выдох
земли набравшей в рот земли.*

* * *

*Морозный воздух – с валидолом,
как с пулей пушкинской: во рту
с термометром или глаголом,
впитавшим углекислоту.*

*Зима войдет, как бусы, в горло,
срывая с голоса резьбу,
чтоб слово долгое протерло
до десен голую губу.*

*Чтоб суша снова стала твердью –
водой под снегом без воды,
как вечность, пахнущая смертью,
как счастье, полное беды.*

* * *

*Сердце прилепит правую
руку к больной груди:
как хорошо я плаваю,
все еще впереди
жизни, в моем младенчестве,
чтоб налетаться впрок,
чтобы в своем отечестве
не горевал пророк.*

* * *

Н. Дьячковой

*Стриженой влаги пушистое бремя
вытеснит – важно валящее – взгляд:
соединятся пространство и время
в ветхозаветный – с овцой – снегопад.*

*Серый каракуль да сивая смушка –
гуще воды и волчицы пробор:
это не выпушка, это опушка,
это заглушка, не вьюшка, а взор.*

*Дымных озер перемерзок хлопчатый
выжат до высверка – сверху и вниз –
тем, кто, зевая, из тьмы непочатой
слепок звезды накрошил на карниз.*

*Инеем прет по щеке оселедец
пуще шальной пустоты и Креста
Южного в лапах обеих Медведиц
в той высоте – до Иисуса Христа.*

* * *

Ю. Крутеевой

*Тебя словил язык –
неслыханное слово,
оправленное в крик
пространства нежилого,
где время восстает
из духа и озноба,
стеснивших небосвод
в державинское нёбо.
Теплеет пустота,
рядясь в стихотворенье.
И звука мимо рта
не пронесет прозреньё.*

Памяти Бориса Рыжего

1

*Ни дна, как в ливень, ни покрывишки,
петля округи все слабей,
и воздух лыс, как после стрижки
и влажных ножниц голубей.
В ресницах прячется отмычка
ночного зрячего ума:
то ли чернеющая спичка,
то ли пылающая тьма.*

Ночь с 6 на 7 мая 2001 г.

2

*То слёзы из-под век,
то растворимый снег
из-под крыла голубки –
светлее пепла в трубке
тирана на шнурке
у бедного поэта:
типун на языке,
сухая кровь предмета...*

7 мая 2001 г.

3

*У татарина татарка,
что у странника – страна.
Льет огнем электросварка –
тяжела ее слюна.*

*И в лесу все меньше леса,
больше камня и железа:
не березы – чучела
золотые, ни бельмеса –
на кресте, и – без пореза –
глина белая бела.*

10–12 мая 2001 г.

* * *

*Обовшивела роща – зеленые вши,
или почки теснее болящей души,
или суть оживающих в смерти вещей
да бутылочный шорох плащей.
Шевеление, вывих из почвы корней
и травы хоровая охрана,
и последние выжимки неба над ней
в опрокинутой форме стакана.*

* * *

М. Никулиной

*Смертью растенья цветущая вещь –
створки и ящички, ящер узора,
хвост не откинувший, хрястнувший лещ –
так высота прижимает озера.*

*Пещь усыпальная, дивный комод,
храм уложения тряпок и книжки
не сберегательной, наоборот,
в рифму косую – без дна и покрышки.*

*Град скрипородный, ресничная верфь,
чудный корабль, растворяющий брюхо,
встав на попа, чтоб древесная червь
изображала извилины слуха.*

*Домодержавный хозяин судьбы,
да отпусти мои карие очи:
коли окурок охоч от губы –
углем уйти в червоточину ночи.*

* * *

В. Блинову

*Скажи мне что-нибудь такое
про привкус дерева во рту,
про силу встречного покоя
с окурком, вмятым в темноту,
про заморозок косоротый,
где воздух узкий, как петля,
и снег становится пехотой,
когда вжимается в поля...*

* * *

*Когда не спишь, со всех сторон
мерцает тьма ресницей рыжей.
Считаешь шорохи ворон –
а это ангелы над крышей.*

*Они прижаты высотой
к тому, что гибнет от одышки.
И пахнут снежной пустотой
их поседевшие подмышки.*

*И собираются в пучок
их человеческие взгляды,
где начинается зрачок
того, кто сеет снегопады.*

* * *

*Когда не спишь – в углу пальто
стоит как страшное никто,
не оживая и не плача:
пустеет лес – пустеет дача.*

*Ледок ворочается в кружке –
и можно ночью умереть,
но колется перо в подушке,
чтобы во сне не умереть...*

*И побелела на кадушке
воды колодезная плеть.*

* * *

М. Дудоровой

*Укорачивает воду
виноградная лоза,
выдувая на свободу
с твердой косточкой глаза.*

*Нелюдимо в алкоголе
море зрения. Двоит
корень греческий в глаголе,
и руно с дорожкой моли,
и аорист аонид.*

*Пей себя и пой – горячий,
ловчий, топчий, доезжащий,
ледяной, живой – до дна:
скоро снова станет зрячей
кровь на кончике вина.*

* * *

*На рассвете у левой щеки
из пучины докучного сада
колокольчики, часовщики,
не морская звезда – а цикада.*

*Или волчья пахучая сыть
потрясает державу забора,
и теперь мне свой слух сторожить –
и на ангелах воду возить,
чтобы выстелить ею озера.*

* * *

*Унесло с балкона майку
ветром. Я один остался.
Тополиный пух в фуфайку
по обочинам скатался.*

*И хожу я полуголый
по седьмому этажу –
невозвратные глаголы
на озноб перевожу.*

* * *

*За тополь в драмой телогрейке,
за клочья ваты по двору
глотну воды на три копейки,
достану спички и умру.*

*А сигарету, сигарету –
во всю длину, во всю длину –
я на пути к другому свету
уже бесшумно разомну.*

* * *

*Росинка маковая страха
с бутылкой водки на столе –
испепеляется рубаха
на ознобившемся тепле.*

*И озеро в дырявой майке,
и в роще месяц-кукловод...*

*И на бочонке у сарайки
играет кот на балалайке,
покуда чешется живот.*

* * *

*Сложив себя, как зонт, исходит ель из ели,
вздевает снегирей здоровая тоска,
как будто веки покраснели
у молока.*

*И взгляд земли с небес, расплющенный, толпится,
и воздух пополам со снегом тверже уст,
и застревают в нем и дерево, и птица –
настолько взгляд небес на эту землю пуст.*

*И я тебя держу, как снегопад, за плечи,
и я тебя держу, как крылья, на весу,
покуда хватит речи
и снегирей в лесу.*

* * *

*Что же, прощай, на высоком ветру –
щели небес широки на балконе
незастекленном. Когда я умру –
твердыми станут ладони.*

*Ляжешь ли в глину – последний прокол,
сжатие воздуха в легких до взрыда:
все остается, как вечный глагол
несовершенного вида.*

* * *

О. Дозморову

*Душа – побег, душа – ограда,
в теснинах дикого родства
есть нитка белая у взгляда,
и сразу после снегопада –
куда ни глянь – не видно шва:
дух и материя едины,
и воздух лепится из глины,
и все на свете – синева.*

* * *

*Где воздух выжат как метла,
как волосы высоких женщин,
там паутина крепче трещин
стоит по кругу без стекла.*

*Освобождаясь от телес –
до слез, до времени, до взгляда, –
становится прозрачным лес
обочь дождя и листопада.*

*Он – весь вверху, он – человек,
он сух и чист, как после пьянства, –
он принимает первый снег
для осмысления пространства.*

*И ты в лесу как лес пустой,
и вдруг – окурок золотой
из тишины и никотина,
и снова – воля и покой,
и каблуки штампует глина
над остановленной рекой.*

* * *

*Бессонница – питье, прими ее настойку –
и вычти с пустотой из крови, изнутри
согласных звуков – в воздух – русскую постройку
и гласных – божьи пузыри.*

*Есть пролежни на всем, зато вздыхают дыры
в ладонях и в воде – в летучей тесноте:
картошка разварилась – и мундиры
разрублены – у всей – на животе.*

*Есть шепот по ночам, и тыльных «ы» уцелье,
и вступенного «о» округлое окно:
за смертью – только твердь, и говора похмелье,
и рифмы вечное вино.*

*И необъятен шар читающих и спящих,
где гол язык, как червь, и зубы на засов,
и всюду хрящики шипящих –
что корни будущих лесов.*

* * *

Е. Касимову

*Покуда вещь уходит в слово –
попробуй чисто произнести,
свободно и небестолково,
имен измученную весть.*

*Да водки выпить на дорогу –
и, подчиняясь языку,
преображаться понемногу
в членораздельную тоску.*

*И понимать, что память речи,
как память тверди, коротка,
что звук осевший – недалеко
от леса, глины и снежка.*

*И воздух пуст от восклицаний,
и время будущее ждет
членистоногих написаний
шипящих, вышколивших рот.*

*И слух, и кровообращенье
уже подсказывают путь,
как тишине произношенью
с пропавшим воздухом вернуть.*

* * *

*Кочевник комнату свою –
как скарабей – скатает в смушку,
в ковры, в халаты, а струю
луны направит на подушку.*

*Потом из долгой анаши
начнет молчать до звезд, до стога
и, как верблюдов, от души
считать автобусы с балкона.*

*И слышно, да простит Аллах,
покуда пьет и спит общага,
как в прирученных деревьях
пера и крови ждет бумага.*

* * *

И. Мироновой

*Ночью лунной негатив
леса выпрастался тенью,
темнотою окатив
снег, прижавшийся к растенью.*

*На воде, где ни следа,
волчий след на влаге твердой –
это слепок, плиты льда
на воде, до звезд протертой.*

*Спишь, как Гоголь, опосля
жизни прямо под шинелью.
Так к себе бежит земля
под рекою и метелью.*

* * *

*Синица в городе как немец
в мундире прусском поутру
о сколько белых полотенец
мороз раскинул по двору*

*по скамьям по дощечкам по льду
по ресницам тяжелым от глаз
напирающих сверху звезду
замещающих осенью ду-
ющих светом в большую дуду
с Божьей кровию вросшую в нас.*

* * *

*В дубленке – два дупла. По городу плывя
куда не надо,
вздуваешь за кормой воздушного червя,
распространяющегося, как стадо
овец к подножию горы –
от сада,
где ветки голые остры
и – колоннада.*

*Деревья обитают под землей:
где человек – там вынырнет растение,
и в небе самолет закончится петлей,
как жизнь, как «Милый мой, ты у...» стихотворенье.*

* * *

*Пролежни почвы да проседь –
плесень последних опят.
Кепку бы в рощу забросить,
чтобы начать листопад –
банное золото, стылость
в бусах янтарных смолья.
Чтобы за смертью открылась
чистая часть бытия.*

* * *

Памяти Б. Р.

*Табличка в белом небе «Не
курить!». Всегда в чужом окне
смотреть в окно мешает ветка.
Как на казенной простыне
любовью вытертая метка.
Кури – вот спички, сигаретка,
и от шальной башки таблетка,
и губы в высохшем вине –
здесь скоро всех нас будет не.*

* * *

*За взор со снегом вперемежку,
за русский ужас в помеле
ложится озеро на решку
и прозябает на орле.*

*И всюду месяц-оченосец,
и всюду запах глубины,
и на воде печет морозец –
сосновой лапкою – блины.*

*И слышно здесь, как воет девка,
пока солдатик налегке
пружинит в воздухе как древко
у белой стужи в кулаке.*

* * *

*Ты чувствуешь сон и смерть предмета –
и шире комнаты зрачок,
и слышно, как из табурета
вывинчивается сучок.*

*И голос дерева – помеха
небытию, как Рождество,
как воздух, вытянутый в эхо,
в его живое вещество.*

*О голос дерева осенний,
и слово горькое во рту,
и осязание растений,
не одолевших пустоту...*

* * *

1

*Утолщение воротника,
наращение рыбьего меха.
Сорвалось у воды с языка
хоровое хлопчатое эхо.
Так снежинки твои достают
до беды, выпрямляющей плечи,
до слезы, просветляющей труд
избавления мысли от речи.*

2

*Это суши и тверди прирост,
столкновение взора и взгляда.
И мерцает значение звезд
в шаровой болтовне снегопада.*

* * *

*Не за что зацепиться
звуком, рукой, слюной
глаза, когда ресницу
всаживаешь в иной
воздух, как шар, сквозящий
мимо, в веретено
выдоха: настоящий,
прошлый давным-давно
и языком забытый,
брошенный поперек
тени своей, убитый
рифмой пастух-пророк,
синтаксисом ответа
вывернувший гортань,
ссылный – как вывих света,
как офицер – в Тамань.*

* * *

*Выдох – белая фонема.
Шире шапок и папах.
Скрипки нервная система
серебрится на кустах*

*да мешает шарф на горле –
что-то давит в переплет:
сколько крови в алкоголе,
то есть – все наоборот...*

*Все как раз нехорошее,
то есть хуже, чем зима,
и тяжелая на шее
скрипки легкая корма.*

* * *

*Дождь набивается в кусты,
в остатки воздуха, в ресницы –
и пыльный запах высоты
меж длинных капель золотится.*

*Как дождь, навывтяжку стоят
сады, строения, ограда
и рассыпаются, как взгляд,
не оттолкнувшийся от взгляда.*

*Сияет в светлой темноте
на пиджаке седая нитка,
как в шаровой густой листве
мороза первая попытка.*

* * *

*Листвы беззвучной значенье,
цветенье с шорохом оплечь
и медоносное мученье
исчезновения – вот речь,
вот хор гниения и роста,
выпрастывания окрест
из камня, глины и компоста,
из пустоты, из тайных мест
перстов и пястей, теснотою
земли направленных в щепоть,
чтоб это дерево пустое
наполнил яблоком Господь.*

* * *

*Без красных кирпичей мороз возводит стену
прозрачную, как лист железа на огне.
И зрение небес, твердея постепенно,
стаканы янтаря ворочает во мне.*

*О светлый мед смолы и воздуха иного,
вас тянет из деревьев, из моря и земли
не теплый легкий лед изменчивого слова,
а русская соха и синтаксис петли.*

*И оттепели гной меня из дома гонит
глазами из окна, из боли болью в боль.
И к ночи красота рубируется и стонет
и выдыхает в воду алкоголь.*

*Узлы моих садов давным-давно совпали
с веревкой вен моих, опутавших меня.
И все, что я сказал во тьму по вертикали,
теперь взыскует снега и огня.*

* * *

Помнит тебя вода,
если смотреть в нее:
это начало льда,
это лицо твое...

*К снегу тощуют рощи.
Озеро стало плоче,
тоньше бумажных льдин.
Это последний блин
камешка или взгляда
в оспинах листопада,
если лететь над ним,
как пролетает дым –
дыхом любви и гнева
с красным – во рту – кольцом.
Если смотреть из неба,
в воду упав лицом.*

* * *

*Луны в луну плеснули с горкой
и в небе скрипнули кирзой.
Морозный воздух пахнет поркой.
Резинкой лопнувшей. Слезой.*

*И в приступе чужого лета
снег у себя хрустит во рту,
и небо звездное раздето
в пылающую пустоту.*

*И умирается толково,
как засыпается подряд
тысячелетия, где слово
не нарывается на взгляд.*

*О ангел, плачущий без правил,
переводящий водку в дым,
зачем стакан в окошко вставил
дном, как червонец, золотым?..*

* * *

*За привкус старости во рту
спасибо. Эту высоту,
влекущую горизонтально,
еще придется одолеть
и песню вечную допеть –
последним воздухом – печально.*

* * *

*Ты в пригоршне у кедра –
три на четыре метра.
И печь. Почти квадрат.
Из темноты и ветра
у неба нынче взгляд.*

*Не звезды без ночлега
во тьме, которой нет,
а ужас мой и нега –
летающий в форме снега
овеществленный свет.*

*И потому ресница
в стакане серебрится,
как льдинка в кипятке.
И плачет рукавица
на подоконнике.*

* * *

А. Решетову

*Молчит на кухне человек
так хорошо и бестолково.
Все остальное – свет и снег,
и день, и дерево, и слово,*

*и небеса в полуверсте,
от стекол, веющих в ладони.
И три синички на кресте
решетки ржавой на балконе.*

* * *

*Без клюва и без рук
посыпалась рябина –
и понимаешь вдруг,
как чешется равнина.*

*Что холод – не подвох
и воздуха горох
трещит в озерных плитах.
Что небо – это вдох,
а мы с тобою – выдох.*

* * *

*Море сильнее прижмет к суше,
вывернет в соль без ресниц волну –
и говорит от любви все глуше,
рыбиной красной скребя по дну.*

*Море ведет себя тише слова,
в бездне вымучивая высоту –
вот расширение шарового
смысла, надкушенного во рту.*

*Жизнь научилась любви и смерти:
и продолжается – что с того, –
и упирается ужас тверди
в горько-соленое вещество.*

* * *

*Снежинка ищет глаз,
ресницу, губы, ухо –
как будто про запас
ощупывает нас
ослепшая старуха:*

*и смерть, и красота,
и встреча, и разлука,
взыскующая рта –
не выдоха, а звука,*

*не тела, а его
тепла, пока летает
живое вещество
и – мертвое – не тает...*

* * *

*Рыба плачет под водой –
в небесах стучит лопата:
там, где воздух золотой, –
синева солоновата...*

*Очи плющит высота,
а ее сестра морская
обмирает, мимо рта –
в сердце – парус пропуская.*

*Словно судорогой свело
Понт Эвкинский в мышцу, в глыбу.
Вот и хлопает весло,
успокаивая рыбу.*

*Плачь, касатка, не таясь –
долго молча плачь со мною,
к твердой лодке прислонясь
полосатую спиною.*

* * *

*Утром выйдешь на люди –
и ударит гром
в наковальню наледи
цинковым ведром.*

*Вырос мой колодец
поперек езды,
словно путеводец
бездны и воды,*

*света и зеницы
ока в синеве.
Смерти и синицы
в темном рукаве.*

* * *

*Кухонное окно
бросит на землю тень –
все, что во мне темно
или светло, – сажень,*

*клин из меня – во тьму,
к воздуху твоему,
где у тебя слова –
словно в траве трава.*

*Словно в дыханье прах
жизни – такая твердь
звука в твоих устах,
что умирает смерть.*

* * *

*Что-то стоит за спиной:
памяти столп соляной
или прилюдного взгляда –
в толще слезы – колоннада:
в комнате, в книжной пыли,
нежные мышцы земли
сами себя заплели
в дерево без переплета,
не выходя из петли
смерти, любви и полета.*

* * *

*Воздух не гуще воды, но хлеба
тверже и легче, поскольку он –
если войти в него – просто небо,
небо в тебе и со всех сторон.*

*Небо и небо: один отныне –
воздух и воздух без костяка,
без порошковой воды в пустыне,
без порошкового молока.*

*Выше – все меньше его, все легче
так проносить его мимо рта –
как деревянную ложку речи,
чтобы насытилась пустота.*

* * *

*В окне – два выстрела березы,
снежок похаживает в дыры,
вода зубчатая – морозы,
пятиэтажка – полквартиры.*

*Герани лягушачья шкурка,
стена с расщелиной, фасад,
и отлетает штукатурка,
когда по ней проходит взгляд.*

*Но иногда зрачкам навстречу
плывут заплаканные очи,
как ты, наполненные речью,
точно бессонницею – ночи.*

*Летят скворечники – квартиры,
и знают голые глаза:
картошка скинула мундиры
в воде, соленой, как слеза.*

* * *

*Капели и пестик, и ступка:
распятием паря под навес,
покажет лесная голубка
седые подмышки небес.*

*И воздух не пахнет вороной,
и чудная сила слезы
легко под оркестр похоронный
червонные ставит тазы.*

*И слышно, идут огороды,
горбами ломая сугроб,
бросая траву и народы
в единый, как солнце, озноб.*

* * *

*Скелет воды у Фаберже
в яйце из мрамора и птицы:
сверкнет снежинке буква «ж»,
как лампа в кухонном ноже,
и – шестипалая – кружится.*

*Летит последняя, одна –
еще в силке могучей читки
чудесной литеры, в убытке,
как тот жучок в электроплитке
да буква «у» в пустой улитке,
поскольку выпита она.*

* * *

*Весна из осени да из
второй зимы, четвертой глины,
влекущей птицу вверх и вниз.
Разорван льдом от пуповины
до неба жестяной карниз.*

*В три коренных растет вода,
шарообразно, без стыда,
как шерстяное из комода
полуоткрытого, когда
расшатывает дом погода.*

*Горит огонь в камине, проще –
бежит на месте, воздух пьет,
как будто поезд мимо рожи –
осенней – замертво идет.*

* * *

*Огранка воздуха зимой
смычком, снежинкой... Боже мой,
коньком, корабликом – по пьяни.
Чтоб скрипка пяtilась к гортани,
где кровь кучкуется, кормой.*

*Как в янтаре – анахорет –
ты потакаешь запустенью
в себе – грамматики, растенью,
покуда меж свечой и тенью
они качаются как свет.*

* * *

Е. Касимову

*Цыгане озябли
и пляшут, как рыба на льду,
как будто на грабли
они наступают в бреду.*

*Одна, в полушалке,
без родины и языка,
встряхнет в зажигалке
горючую кровь мотылька.*

*Ее сигарету,
как память, изводит на дым
индийское лето
ведическим зноем своим.*

*Оттуда, оттуда,
где счастье крупнее беды
и холода чудо
не штопает дыры воды.*

* * *

*Луна, перекаати-окно,
что вожденное руно
в кольцо зеленой тьмы продето.
О золотой зрачок предмета...*

*У пустоты, пока мороз,
повсюду бронзовые шлемы.
На выдохе, внутри фонемы
мужают ухо, горло, нос.*

*Мотив сужается простой
в слезу и в свист, и оболочка
моя – как взгляд. И эта точка
уже не будет запятой.*

* * *

*Заткнуться форточкой сторожкой
от колокольни с буквой «ять»:
такой мороз, что воздух ложкой –
столовой ложкой – не разжать.*

*И Богом стиснутые звезды –
как небывалые слова –
оставят в воздухе борозды,
где горевала голова.*

*И полуголые просторы
в живом движении снежка
останутся как разговоры
без слез, без рук, без языка.*

* * *

*За спиной, за спиной, за спиной
кто-то так затянулся луной,
что теперь выдыхает свет,
упираясь, как смерть – в предмет,*

*тенью, голосом, злой травой
не в тебя – ты еще живой,
а в тебя, потому что ты
добиваешься пустоты.*

* * *

*Шагом бежит собака
линии вдоль трамвайной
прямо из зодиака
с голодом или тайной*

*смерти – рожденья. Свечи
вместо бровей – борзая:
ей не хватает речи,
ей хорошо без лая.*

*Вся заслонясь от хлеба
детской своей ресницей,
смотрит в родное небо,
где бывала птицей.*

* * *

Е. Касимову

*Облака ли брат на брата –
в голове над головой:
гуси в небе как цитата
муки доязыковой.*

*Не спасенного ли Рима
в сокровенном пухе бровь:
сквозь глаза проходит мимо
голод-зрение-любовь.*

*Клин, которым вышибают
землю с морем из-под ног.
Клич, которым пришивают
в горле к голосу комок.*

* * *

*Захлопнута изба
на ставенки, как книга.
И в воздухе волшба,
и в поле изо лба
зимы растет шишига.*

*Не пень, не волк, не че-
ловек из круговерти,
а – белый – на плече
сыпучий холмик смерти.*

*Снежинок намело –
дохнуло – на два пальца:
пропащее тепло –
ни стен, ни постояльца.*

*Ни глаз, ни слёз и над
лицом – ни звезд, ни ветра,
лишь снегопад до пят,
и ангелы парят,
как лобачевский взгляд
Никола-геометра.*

* * *

*Рот открываю в хоре –
музыка не слышна.
Так умирает в море
без берегов волна.*

*Горе мое ты, горе –
слово да соль-слюна,
скоро продавит море
лодка моя – до дна.*

*Скоро пристанет к суше,
как пристаёт беда
к женщине – крепче мужа,
если окрест вода.*

*Ей заложило уши –
это собранье вод,
если нырнуть поглубже,
тише воды поет.*

* * *

*Вода и воздух – верный звук,
союз случайный и могучий,
и верхотуре сходит с рук
и мысль, и мельница созвучий.*

*Уходит скошенный тростник
в гортань овечью-человечью –
так появляется язык
и умирает вечной речью.*

*И глуше глаза и зимы
берешь, как дерево и птица,
жизнь у бессмертия взаймы,
чтоб только песней
расплатиться.*

* * *

*Тишина в начале мая
с человеком кое-где.
Синева глухонемая
чертит вилкой по воде.*

*Сошка взгляда или вежа
самолетика с мелком –
вывих воздуха, и эхо,
и ресница с узелком.*

*С тыловых высот в косицу
заплетается струя,
это дергает водицу
вертикалью колея.*

*Ужас жизни, смерти скука,
холостой чертополох.
Это выдох, память звука,
вызывающего вдох...*

*Пыльных капелек без стука
лопающийся горох...
Первой молнии излука –
и гроза, избави Бог.*

* * *

*Сада зимний стоерос
ознобит структуру слез.
И стоишь на звонкой глине,
как на детской половине.
Где с небес открыты рты
в новый ужас красоты.*

* * *

*Где волны вылепили плешь –
там берег, там кует осоку
его родительный падеж
по отношению к потоку.*

*Там языка житье-питье,
река сживается в воронку
под барабанную ее
с растущим криком перепонку.*

*Я не могу, я не оглох,
не онемел на огородах –
и плещет рыба, словно Бог
переминается на водах.*

*И по ночам болит тепло,
и дерево, умнее грека,
поплакать к дому подошло –
и задержалось на полвека.*

* * *

*Трещинка на потолке –
ость голубая с картины
или полет паутины,
а узелок – в пауке.*

*Сажка, как прежде, бела,
в черепе с чушью трещотка:
известью съедена щетка –
кисточка, сучка, метла.*

*Спи, говорю, дурачок, –
чуешь, в иные просторы,
как в головные уборы,
звезды попрятались в норы,
где не зимует зрачок.*

* * *

*Водной глади пирамида
головой повинной вниз –
это воздуха обида,
катастрофа и каприз.*

*Верховая мощь соблазна
давит думой водоем.
А река однообразна –
о себе и о своем.*

*Воробей крылом по морде –
ни привет, ни ответа,
словно камушек в аорте
перешел в частицу света*

*нестерпимого до дрожи,
и с небес такая дрожь,
что дождя домой в одежде
полкадушки принесешь.*

* * *

*Все небо в ангелах. Баранье
движение снега кое-где.
И выражение страданья
застыло с ветром на воде.*

*Волк начинается в собаке,
и открываются в волибе
мороза водяные знаки
и сор растительный в гербе.*

*Во всем порядок ни с чего. И
не сходит дерево с ума,
а помнит лето речевое
и в чреве думает дома.*

*Вообразимые постройки
и смерть, дарующую свет.
И возле койки, койки, койки
под толстой книгой табурет.*

* * *

*Камень взыскует глаз,
пальцев, тепла, ответа,
коли усиьем света
прошлого не погас.*

*Вытвердив назубок
силу и звук предмета,
вымолит молоток
происхождение света.*

*Вспышка – что выдох твой,
старше слезы и речи.
Звезды ложатся в печь и
меркнут над головой.*

*Пусть тишина, пусть имя –
только бы твердь была:
только бы не пустыня
зеркала и стекла...*

* * *

А. Г. Б.

*Еще не лето, не свобода, а подстрочник
тепла и озера, где рыба не поет,
где воздуха летучий позвоночник
со дна вздувается и, лопаясь, растет.*

*О, сколько выдохов и вдохов в вертикали,
откуда плющится живьем веретено
и чашей воздуха, где ангелы алкали,
распространяется и вольно, и темно.*

*Буханка влажного от медленного роста
травы отравленной, как кровью буква «ять», –
краюха воздуха, не корка – а короста
иногo зрeния, направленного вспять.*

*Так жрет и видит червь, в ходах своих плутая,
овчинку воздуха – и это небеса,
где мысль слоняется, от солнца золотая
и в лентах траурных, как длинная оса.*

* * *

А. Г. Б.

*Вся в лентах траурных, вся русская оса,
шлагбаум, животное, ночные голоса
то ангелов, то птиц, то насекомых,
огнем свечи вокруг свечи искомых,
вся – длинная коса – вывинчивается
из озера плакучая косица,
и сорвана резьба, и ворсом золотится,
и водоплавающей птицей –
наотмашь – в отражение лица
вся бьет и опускается, двоя
себя и мир в сосцах осиных,
где берега лобзаются на спинах
земли в гусиной коже и осинах,
распространяясь в разные края...*

* * *

*Трясущейся рукой, как ночью на подводе,
на лодочке, на черном воронке...
Прости меня, любовь, я все еще в погоде,
как озеро с луной на языке.*

*Смотрю из темноты воздушного оврага,
как на крыльце закрытого продмага
всю ночь пылает рыжая бумага,
червонец русский на снегу –
а я заплакать не могу...*

* * *

*Скрипочка зачесалась
или в слезах щека:
сколько еще осталось? –
на долготу смычка,
конского волоска,
до понедельника –
ждать нестерпимой муки
там, где живут слова,
где убивают звуки –
словно кольцо к разлуке
рвут с безымянного...*

* * *

*Все, что уже разбилось,
склеилось и ушло,
в стеклышке отразилось:
это оно, стекло –
дырка в земле – без муки
помнит глаза и руки,
и углекислоту
выдоха, и разлуки
страшную высоту.*

*Вот бы откуда надо
глянуть, как смотрит снег
в стеклышко краем сада –
ангел и человек.*

* * *

*Мускулистая муха разроет стекло
до голимого воздуха, света, к свободе
удлинится взгляд, как звезда и дупло,
как в иные миры переход, где
волосатыми лапками ловит она
ускользающий шар в пирамиде окна
как прозрачное в полупрозрачном
в улетающем домике дачном.*

* * *

*Но ветер – взгляд, не взор, а страшный
зрачок, проходчик рукопашный
сквозь лес, и сад, и огород, –
и ямы на воду кладет:
воронки, выемки под сваи,
дабы стояли как стоят
дождя прекрасные сараи,
разрушенные в снегопад.
И я смотрю себе навстречу –
как в дивных дырах древний сыр,
продутый временем и речью,
как зрячим небом этот мир.*

Содержание

«В роще ремонт, шелушатся обои...»	3
«Осы последние солнцем сорят...»	4
«Томительный свет пустоты...»	5
1. «Поцелуешь меня. Вертикально...»	6
2. «Отдыхает язык у растений...»	6
«Десятый месяц. Внешний вид...»	7
«Трение обнаженного...»	8
Подлёдный лов	9
«Голый лес – очей моих гнездо...»	10
«Эх, полушубочек нагольный...»	11
«В замахе, в выдохе – зима...»	12
«Снег не ваятель – оформитель...»	13
«Морозный воздух – с валидолом...»	14
«Сердце прилепит правую...»	15
«Стриженой влаги пушистое бремя...»	16
«Тебя словил язык...»	17
Памяти Бориса Рыжего	18
1. «Ни дна, как в ливень, ни покрыва...»	18
2. «То слезы из-под век...»	18
3. «У татарина Татарка...»	19
«Обовшивела роща – зеленые вши...»	20
«Смертью растенья цветущая вещь...»	21
«Скажи мне что-нибудь такое...»	22
«Когда не спишь, со всех сторон...»	23
«Когда не спишь – в углу пальто...»	24
«Укорачивает воду...»	25
«На рассвете у левой щеки...»	26
«Унесло с балкона майку...»	27
«За тополь в драной телогрейке...»	28
«Росинка маковая страха...»	29
«Сложив себя, как зонт, исходит ель из ели...»	30
«Что же, прощай, на высоком ветру...»	31
«Душа – побег, душа – ограда...»	32
«Где воздух выжат как метла...»	33
«Бессонница – питье, прими ее настойку...»	34
«Покуда вещь уходит в слово...»	35

«Кочевник комнату свою...»	36
«Ночью лунной негатив...»	37
«Синица в городе как немец...»	38
«В дубленке – два дупла. По городу плывя...»	39
«Пролежни почвы да проседь...»	40
«Табличка в белом небе “Не...”	41
«За взор со снегом впережку...»	42
«Ты чуешь сон и смерть предмета...»	43
1. «Утолщение воротника...»	44
2. «Это суши и тверди прирост...»	44
«Не за что зацепиться...»	45
«Выдох – белая фонема...»	46
«Дождь набивается в кусты...»	47
«Листвы беззвучной значенье...»	48
«Без красных кирпичей мороз возводит стену...»	49
«К снегу тощат рощи...»	50
«Луны в луну плеснули с горкой...»	51
«За привкус старости во рту...»	52
«Ты в пригоршне у кедра...»	53
«Молчит на кухне человек...»	54
«Без клюва и без рук...»	55
«Море сильнее прижмется к суше...»	56
«Снежинка ищет глаз...»	57
«Рыба плачет под водой...»	58
«Утром выйдешь на люди...»	59
«Кухонное окно...»	60
«Что-то стоит за спиной...»	61
«Воздух не гуще воды, но хлеба...»	62
«В окне – два выстрела березы...»	63
«Капли и пестик, и ступка...»	64
«Скелет воды у Фаберже...»	65
«Весна из осени да из...»	66
«Огранка воздуха зимой...»	67
«Цыгане озябли...»	68
«Луна, перекаати-окно...»	69
«Заткнуться форточкой сторожкой...»	70
«За спиной, за спиной, за спиной...»	71

«Шагом бежит собака...»	72
«Облака ли брат на брата...»	73
«Захлопнута изба...»	74
«Рот открываю в хоре...»	75
«Вода и воздух – верный звук...»	76
«Тишина в начале мая...»	77
«Сада зимний стоерос...»	78
«Где волны вылепили плешь...»	79
«Трещинка на потолке...»	80
«Водной глади пирамида...»	81
«Все небо в ангелах. Баранье...»	82
«Камень взыскует глаз...»	83
«Еще не лето, не свобода, а подстрочник...»	84
«Вся в лентах траурных, вся русская оса...»	85
«Трясущейся рукой, как ночью на подводе...»	86
«Скрипочка зачесалась...»	87
«Все, что уже разбилось...»	88
«Мускулистая муха разроет стекло...»	89
«Но ветер – взгляд, не взор, а страшный...»	90

Казарин Ю. Побег: Стихотворения – Екатеринбург: Изд-во
К 143 Урал. ун-та, 2002. 94 с.
ISBN 5-7525-1008-2

К 4702010202-313
182(02)-02

ББК Ш6(2Р36)6-335

Литературно-художественное издание

Юрий Казарин
Побег
Стихотворения

Редактор Е. И. Маркина
Дизайнер В. И. Реутов
Компьютерный набор М. В. Дудорова
Компьютерная верстка А. П. Никифоров
Ответственная за выпуск С. В. Вараксина

Подписано в печать 14.10.2002. Формат 70х108 1/32.
Бумага офсетная. Гарнитура Peterburg.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,2. Тираж 1000 экз.
Заказ № 2116.

Издательство Уральского университета.
620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в ИПЦ «Издательство Уральского университета»
620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.